

Я ВЕРНУСЬ ПЛЮНУТЬ НА ВАШИ МОГИЛЫ

Полукровка

А.Наумов

Был белым мой старик отец,
Зато красной была моя мать.
Отца своего я не видал,
И даже не знаю, как звать.

Константинополь, Стадбург или Париж –
Неизвестно, где умер он.
Из какой земли, под небом каким
Он нашёл свой последний дом?

Мать я не помню. Я знаю лишь
Что где-то под Воркутой –
Рыба не гонится и не гонится –
Она обрела покой.

Но я не вижу никого из них,
Да и грешно ронять
На тех, кто силен в краях тучных,
Как мой отец и мать.

Кто прав из них был, кто был неправ –
Не мне их судить, не вам.
И нет гавно той большой страны,
Что могла бы иль возмать по делам.

Мне не модно – не привыкать
Край ситцево-березовый.
Белый отец и красная мать,
А я – ярко-блестяще розовый.

Полковник Саудерс

А.Мамочов

Полковник Саудерс проснулся днем
у раскрытого настежь окна.
Полковник Саудерс покинул свой дом,
едва оправившись от сна.

У его шати были густо спланины –
но и их скрывает тишина.
От одной стены до другой стены,
ведь дорога у всех одна

И полковник шел все вперед и вперед,
и лишь только вперед шагнул,
и полковник Саудерс забыл свой полк
и сам стал более, чем полк.

Он стал легче, чем дым костра,
и прозрачнее речной воды.
Он стал таким же совсем, как я,
а я всегда был таким, как ты.

Полковник Саудерс вернулся домой,
когда стало совсем темно.
Полковник выиграл свой последний бой,
и он знает теперь одно:

если есть путь от стены к стене,
то в стене должно быть окно,
и когда ты проснешься на самом дне,
ты не думай, что это дно.

У каждый из нас давно обретен
идти от стены к стене.
А то до тех, кто стоит за плечом,
перед нами равны мы все.

А пускай ты не знаешь, откуда идешь,
и все так далеко идти,
но всегда за плечом стоит плечом
полковник Саудерс и генерал Ли.

Д. Харин

*Из гора вышел человек
С гудинкой и мешком
 А в галочий нуты,
 А в галочий нуты
Отправится человек.*

*Он шел все прямо и вперед
А все вперед шагнул.
 Не спал, не нут,
 Не нут, не спал,
Не спал, не нут, не н.*

*А вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
 А с той поры,
 А с той поры,
А с той поры исчез.*

*Если как-нибудь его
Случится встретить вам,
 Тога скорей,
 Тога скорей,
Скорей скажите нам.*

Прегрубствие осени

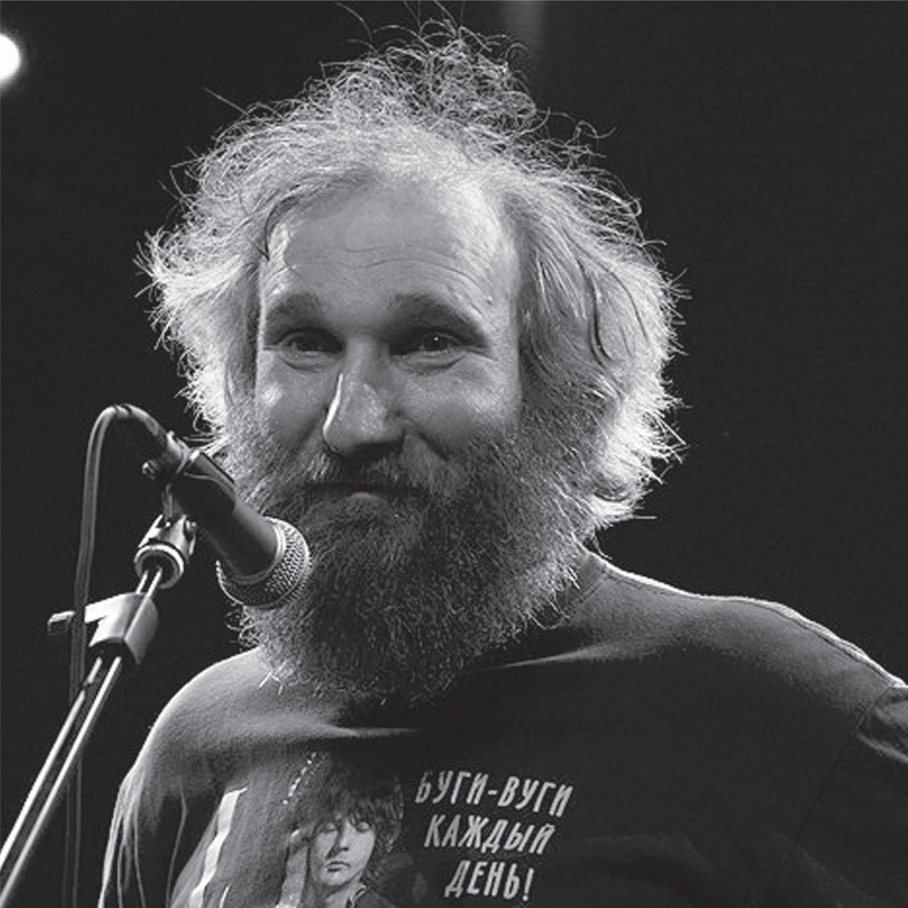
А. Мамонтов

Утром сон сопиткиет ресницы.
Тишина. Еще тепло.
Дождь стучит по черепице
и скребется о стекло.
Мир в предугрошении тумана.
Воздух покрый гуть грозит.
Звезды путники ослепли
освещают скудный вид.

Выйди, сбрось оцепенение,
ты – создание, ты – творение,
все уйдет без промедления,
а пока о том забудь.
Ты один во всей вселенной,
Утро – день весны священной,
Осень – спутник неизменный –
Упадет слезой на грудь.

Выйди, встань, раскинь руки;
Ты – создание науки,
в мир заброшенный от скуки
и забытый на кресте.
А дождь стена слепая,
твое тело обнимая,
словно женщина гужая
вдрызгивает в темноте.

Все ты брошенный, однажды
ты увидишь день вчерашний,
ты поймешь: не так уж важно
со щитом или на щите.
Осень сказочной царицей
сколдует, одурманит.
Спи, покада тебе снится,
спи, покада грот не грянет.

БУГИ-ВУГИ
КАЖДЫЙ
ДЕНЬ!

Петербургский романс

А.Тамар

...Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь посты, словно кони, —
Но цогат на дыбы...
Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как гетюре строки.

Здесь над вишней стойкой,
Над пожаром зари
Как оговано столыко,
Как оговано столыко,
Как оговано столыко,
Что пойду — повторю.
Все земные пегали
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За притаскивание.

Матюшкин бы беззубый —
Пряпора и корюхи,
Матюшкин бы беззубый,
К чему и твои советы?
Легится бы и он, легится,
На кислые ездит вояды —
Они же по цогат: «Отсюда!
Мирами! Зара свободу!»

Полковник я, а не прапор,
А в битвах сражаться стойко,
И все их щенящий табор
Мне милее шпой, и топыко.
И я восклицаю: «Мирами!»,
И я прославляю свободу,

Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду.

И в то роковое утро —
Отсюда не угрозою гести! —
Казаного куда как тудро
Себя одъхнуло в отрезе.
Зачем же потом сгинуло,
Что перкиет копейкой ржавой
Всей славы твоей нугишность
Прег сожженной ихней славой?

...Болит и непогода раны,
Ужину проходят годы...
Но я же кричу: «Мирами!»
И славы зара свободы...

Повторяется шепот,
Повторяет следи.
Никого еще онит
Не спасал от беги.
О гогонке, гогонке —
И не згесе, а безде —
Будут илюшны кони
Подгнаться узде?

И все так же, не проше,
Век наши продает нас:
Можешь выйти на площадь?
Сможешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
Сможешь выйти на площадь
В тот назиданный час?!
Где стоят по квадрату
Вожидание полки —
От Синода к Сенату,
Как гетюре строки...

Вавилон – Иерусалим

А.Намонов

Утро и сон соткнет ресницы.
Тишина. Еще темнее.
Дождь стучит по черепице
и скребется о стекло.
Мир в предугрошении тумана.
Воздух покрый густо грозжит.
Звезды нутными ошметки
освещают скудный вид.

Выйди, сбрось оцепенение,
ты – создание, ты – творенье,
все идет без промедления,
а пока о том забудь.
Мы один во всей вселенной,
Утро – день весны священной,
Осень – спутник неизменный –
Упадет слезой на плечо.

Выйди, встань, раскинь руки;
Ты – создание науки,
в мир заброшенный от скуки
и забытый на кресте.
А дождя стена слепая,
твое тело обитая,
словно женщина гуркая
вдрызгивает в темноте.

Всему брошенный, однажды
ты увидишь день вчерашний,
ты поймешь: не так уж важно
со щито и на щите.
Осень сказочной царницей
околдует, одурманит.
Спи, куда тебе снится,
спи, куда утро не глядит.

А. Матюков

*Ах расстреляли на рассвете:
эту на север, её – на юг;
и си с душой в эполете
отыщите её уже не друг.*

Эта ночь как улика Джоконды:
Мир заготовлен-нужен.
Ле Наполеон и не Лордон,
Ле Багиз, не Лапка, не Трещи.
Нашей суете время бланится
поу обесцвеченный кусок.

Этот блюз мне свиряет на обломках судьбы
Ошкывающий гранит водосточной трубы.
Мой гранитический блюз!
Всё равно я к тебе не вернусь.

Умолчи похотом.
Прости перлам и тоску.
Жизнь от взгора до взгора,
Он топка до топика.
Эта ночь как улика Джоконды
спривычною конька.

Этот блюз поу асфальтован небом страны.
Где на каждом углу твоя мерзлостная стена.
Этот голубой блюз!
Вероятно, я снова намочу.

Но не пьюсь, но не пизден
Лебо над городом.
Жизнь глится на спарту -
Ней было и не вой.
Это стало судьбой: не поно было шаре.
В эту ночь без звука навсегда уходи.

А сойду с ума, я останусь с тобой.
Как нех ба боль...
Этот, в обещан-но, том ещё блюз!
Ну и пусть, ну и пусть,
ну и пусть, ну и пусть...
а... ну и... ну и пусть!

Пьяный блюз

А. Казаров

Не задавай вопрос

А.Натанов

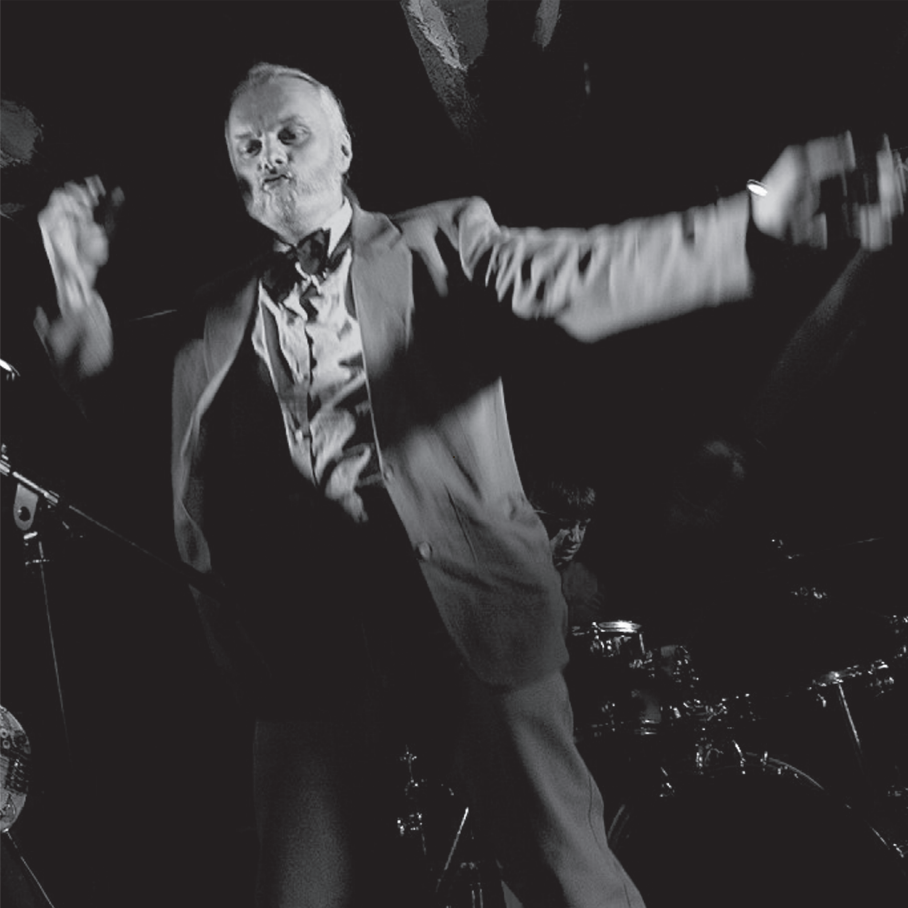
В этом городе людей превратили в крыс
И теперь каждый готов сам себя загрызть,
но и крысы живут с юнцами точно так же, как люди.
И у каждого из нас в юноте Аз,
Мы не хотим вперед, нам неюза назад,
Мы не уреем вверх, хотя раньше, наверное, спотыка.

И мы огни за всех, и мы все, как огни,
Мы всегда итеем, мы никогда не спим,
А если вдруг кто-то и уснет, то к стене зубами.
Мы не делим сутки на ночь и день,
Мы не делим мир на свет и тень,
А какими мы были вчера – мы не помним сами.

И я у толпы спросил: «Кем я был вчера?»
Но на Митюхи и на Левском горже идет с утра,
А под дождем какой может быть разговор.
И я спросил у дождя: «Это ты или свет?»
Но тот лишь растакался мне в ответ,
А, подумав, ответил: ты бы, дескать, спити утер.

Дети уходят – и никаких революций...

Еще вчера мы утени нешто,
А сегодня с нас уже нечего взять –
Мы деремся за каждую кость, что бросит нам Хозяин.
А Хозяин высоко и он совсем не прост,
Он знает ответ на любой вопрос
И он всегда покажет нам тех, кто не с нами.

Пусть гег Макарь его играет, скара в огню и поске –
Этот забытый Бором город гавно повис на волоске,
А мы все смотрим в небо в надежде на великий Ахес.
А я у обидки спрошу: «Что ни гелает здесь?»
А полугри ответ: «Не в свое гело не лезо –
Все, что вы просили у Бора, слава Бору, сбылось».

А кто бы мне ответил, кто из всех нас прав,
Но каждый правет крапленого туза в руках
В надежде, что это и будет единственный козырь.
А я бы всея спрошу, да только выверел бес лес,
Но пенящую скарет одинокий Мелкий Бес,
Все тузики на войне, ну а дабы, как богится, в поле.

А гети уходят – и никаких революций.
Как только этот город – он исчезнет без них.

А где-то там, за океаном, гавно идет война,
А мы пытаемся понять, где твое створина,
Можно брось на ты спожешь хоть что-то понять.
Ведь на любой войне створина всегда одна,
А эта створина тебе не чужина.
Теперь нам остается только попытка и ждато.

А когда тебя предаст единственный друг
А ты прилетишь гашу с ягом из его рук...
Так это просто, брат Сангери, сегодня я пою без тебя.
Мой видужио: месаж в небе превратился в серп,
А не спрашивай его – теперь он тух и слеп –
На войне нуля дурра – на то она и война.

А ты у осени спроси, кто во всем виноват,
Норену снопurian в беде, но выгнун в беде Аг?
Зом наступит зима – тогда все сам и поймеш
Но в этот город зима не придет никогда –
Здесь всегда – гует и поет – с неба поет вода.
Так что, если ты ждешь перемен, то напрасно их ждешь.

И ширею уже не слугится вгору –
Нас поглотит пополам огни порочный круг,
А разорвать его ни у них, ни у нас не хватит силы.
А в всю жизнь ненавиджу и этих, и тех,
И я хотел б о них забыть, беде памято – самый тяжкий грех,
Но я готов вернуться, чтобы явиться на ваши поминки.

Дети уходят – и никаких революций.
Жань только их отцов – и н здесь жить...

Море

А.Матюков

В зеленом бархате горизонт,
темный ветер, играя, наскочит волну,
пробегит по песку, затаится и жмет,
или вдруг бросится катием ко дну.

На воде кружи – играй, а он сплещи
щекощет лицо бризанти волн.
Солн на губах, и, почти что зная,
ты вытираешь лицо платком.

Взрвня прилива. Опять и опять
к берегу жмутся, скрипя, корабли,
и море, как старая пудрая мате,
укроет волною скелет земли.

Каждый вечер, накинув на плечи платок,
ты заглянешь-то приходишь сюда.
Что хрустит под ногами токовой песок
и что-то шепчет волна.

Высоко-высоко, по дороге звезд
он спешит каждый вечер на встречу с тобой,
и тянется к тебе прозрачный тост,
только море всегда за твоей спиной.

Волны шепчут: «Останься, не бойся нас,
посмотри, мы всегда нежны и госты,
бога не выгаст и не продаст»...
Но все выше и выше поднимались ты.

И все дальше и дальше зеленая игра,
все прозрачней сараф торская ного,
ветер рвет на части, не дает устоять,
и тенью бьет обезумевший дождь.

Рагуля в бризах на тил протелекинет,
будто бы жмет, но не смеет позвать.
Снеда бесшумно звезда упадет –
только желание успей заглядеть.

Где же та сила, ведущая нас,
что сквозь темноту зовет за собой?
Но сколько дней, словно в первый раз,
я слышу: море всегда за спиной.

В падоных торская вода, как слеза,
не удержит – лоби, не лоби:
со всех сторон летят илоса,
и ты падаешь катием к центру земли.

Окно

А.Н.Митков

Окно – во двор.
Этаж – четвертый.
Прыжок – и я уже внизу.
Не трогай.
Видишь этот город?
Мы слышим шум, а – тишину.

Полет.
Такое не приснится.
Окно – дыра в стене готов.
Когда-нибудь
я стану птицей,
займу свой пост среди боров.

Карниз.
Нет.н.н.
Бережка.
Шес.
Купит.
Монор.
Лопата.
Рес.

Не стоит разогарованный
ной бестолковый к спертый нуть.
Задум.
А выней же скорее
за все, что прожито.
Задум.
Окно – в квартиру.
Этаж – четвертый.
Прыжок – и я уже вверх.
Обратный нуть.
Куда-то скоро
я снова по нелю пройду?

В руках монор.
А – Нетр Первый.
Окно – последний идеал.
Окно – в Европу.
Логоис.
Не о Европе а.нетман.

Предсказание

А.Матюков

Настанет год,
России гермный год.
Куда герней – сам герт не разберет.
Узнаю все
и не поднять с колен –
какой еще вам нужен ветер перенет?

Настанет день.
Последний день из всех,
и не спасет уже ни плач, ни слез,
ни песть,
ни страх,
ни слов водоворот,
ни лозь,
и даже правда не спасет.

Настанет миг,
когда последний крик
испустят разот и пладевец, и старик.
Они испустят крик,
они испустят дух,
и в жопу клонет жареный петух.

Когда я вернусь

А.Танис

*Когда я вернусь – ты не стейся, – когда я вернусь,
Когда победу, не касаясь земли, по фьербранскому снегу,
Но еле заметною следу к теню и потлегу
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов отлянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...*

*Послушай, послушай, не стейся, – когда я вернусь
И прямо с вокзал, разгневшись круто с таможней,
И прямо с вокзала в крошечный, ниточный, рачиный
Борьбу в этот коридор, который казнью и клянюсь –
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...*

*Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом сицин не властно соперничать небо,
И пахуча запах, как запах приютского хлеба,
Ударит меня и заплещется в сердце моем...
Когда я вернусь... О, когда я вернусь...*

*Когда я вернусь, зашумит в фьербране соловьи
Тот старый мотив, тот давнишний, забытый, занетый,
И я узнаю, побежденный своею победой,
И ткнуся головою, как в пристань, в колени твои,
Когда я вернусь.. А когда я вернусь?..*

- 1. Старая песня**
- 2. Полукровка**
- 3. Полковник Сандерс**
- 4. Петербургский романс**
- 5. Вавилон – Иерусалим**
- 6. Пьяный блюз**
- 7. Предсказание**
- 8. Не задавай вопрос**

Дмитрий Бациев – контрабас (5)

Алексей Воропанов – фото, дизайн, верстка

Александр Галич – стихи (4, 5), вокал (3)

Нелли Герасимова – вокал (5, 7, 8)

Борис Гребенщиков – музыка (3)

Юрий Ермаков – эл. гитара (8)

Илья Карташов – виолончель (5)

Евгений Кирцидели – сведение, мастеринг

Олег Коврига – вокал (2, 4)

Александр Мишуков – барабаны (4)

Александр Назаров – стихи (6)

Алексей Николаев – эл. гитра (8), бас (8), клавишные (8), барабаны (8)

Анатолий Платонов – стихи (2, 3, 5, 7, 8), музыка (1, 5, 6, 8), вокал (3–6, 8), ак. гитара (1, 3–6, 8), эл. гитара (4), бас (2), перкуссия (4, 6), запись (2)

Даниил Платонов – музыка (1), скрипка (1, 3–6, 8), запись (7)

Андрей Фомин – баян (3–6)

Даниил Хармс – стихи (3)

Вадим Шестериков – запись (1, 3–6, 8), сэмплы (1, 3, 5)

Альбом записан на студии Правды в 2014-2015 гг.

и сведен на студии «Часовщик» в 2016 г.

Отделение «ВЫХОД»
ОВ 407

А мы сидели трое – кухарка, швейцар и я – и, сблизив головы, тихо говорили о том, что еще так недавно сверкало, зеленело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь – залилось океаном топкой грязи.

Усталые, затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, повешенную господом богом... Какая это мгла? Предрассветная? Или это сумерки, за которыми идет ночь, одиночество, отчаяние?

Петербургцы! Не плачьте! И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах! И мы вернемся на свои места!.. Ибо все мы, вместе взятые, – тот ансамбль, без которого немислима живая жизнь!

А.Аверченко

